

Зинаида Майорова

**Хищник в
Лондоне**

Зинаида Майорова

Хищник в Лондоне

<https://litres.ru/74016148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре рассказа о загадочных преступлениях в Лондоне. Культовые герои викторианских детективов против научно-фантастических тварей. «Викторианская жара» – стилизация под Конан Дойла. «Лунный зомби» – путешествие по мирам Уилки Коллинза. «Неформат» и «Закат в изумрудных тонах» – альтернативная история с элементами хоррора и стимпанка.

Содержание

Лунный зомби	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Зинаида Майорова Хищник в Лондоне

Лунный зомби

Лейтенант Джордж Фэйрфакс поджидал своего товарища у новомодной афишной тумбы. Цилиндры с крикливыми плакатами ядовитой расцветки неожиданно проросли в центре Лондона, как грибы после дождя. От нечего делать лейтенант просматривал объявления, но их безвкусный стиль не смог пробудить в нём ничего, кроме безразличного отвращения.

Грудастая белокурая примадонна, аттестованная как звезда русской сцены Айра Сириус, широко раскрывала напомаженный рот, призывно глядя на зрителя огромными пустыми глазами. Три индийских факира с чёрными, как сажа, лицами, окружённые эскортом из королевских кобр, обещали поразить лондонскую публику невероятной тибетской магией. Высокий худой джентльмен в чёрном сюртуке, похожий на голодного вампира, словно прожигал бумагу магнетическим взглядом, гарантируя незабываемый сеанс общения с духами и призраками.

– Хочешь сходить на концерт Айры? – раздался над ухом голос Герберта. – Мамап с папа уже были, они в полном вос-

торге.

– Я думал, ты не появишься, – проворчал Джордж, с облегчением отворачиваясь от тумбы. – Но как твои родители могут смотреть на это, я не представляю.

– Они тоже сомневались, ходить или нет, а потом выяснилось, что афиши сделал какой-то художник-идиот. Айра вовсе не певичка из кабаре. Она даже перед русским императором выступала и вхожа в самый высший свет. Её с удовольствием принимают в лучших домах Лондона. Не то что старого Гернкастля, даром что он родовитый дворянин. Даже на его похороны никто не пришёл.

Лицо Джорджа сразу омрачилось. Поручение, которое им с товарищем предстояло выполнить этой ночью, напрямую касалось последней воли полковника Гернкастля и не вызывало у них обоих ни малейшего энтузиазма. Но приказ есть приказ.

Нечестивый Гернкастль в последний год жизни окончательно слетел с катушек. Про него и раньше поговаривали, что он продал душу дьяволу, но теперь слухи зримо подтверждались действиями самого полковника. Загадочный индийский алмаз, который он будто бы хранил у себя, оказался не выдумкой досужих сплетников, а самой настоящей реликвией служителей бога Луны. Сам Гернкастль после долгого изучения старых книг и чрезвычайно странных химических опытов уверился в том, что камень воскрешает мёртвых. Он оставил своим душеприказчикам подробнейшие ин-

струкции на случай своей смерти и утверждал, что при тщательном соблюдении всех пунктов он, Джон Гернкастль, снова оживёт в первое же полнолуние после похорон.

Инструкции полковника привели в ужас не только его душеприказчиков, но даже самого стряпчего, хотя тот в силу своей профессии привык составлять самые необъяснимые и запутанные завещания. Однако в данном случае мистер Брефф пришёл к выводу, что последнюю волю его клиента выполнить просто невозможно. Обращаясь от имени душеприказчиков к лондонским врачам, он получал один за другим сплошные отказы, сформулированные предельно ясно, недвусмысленно и отнюдь не в тех выражениях, которые джентльмены употребляют в присутствии леди. В конце концов Гернкастль – тогда он ещё был жив, дал мистеру Бреффу дельный совет: найти доктора с подмоченной репутацией и отчаянной нуждой в деньгах.

Как это ни странно, но безумные фантазии полковника о загробной жизни не мешали ему до последнего вздоха манипулировать людьми и продумывать коварные комбинации. Презренные способности не только позволили ему найти врача для исполнения своего гнусного плана, но и договориться со старым сослуживцем о том, чтобы могилу полковника днём и ночью стерёг почётный караул. Дежурства офицеров должны были продолжаться непрерывно с момента похорон и до полнолуния включительно. Гернкастль не без оснований опасался грабителей, которые не постесняются-

ся осквернить могилу и вскрыть труп, чтобы завладеть баснословно дорогой драгоценностью.

Лишь один пункт инструкций, касавшийся собственно погребальной церемонии, точнее, выбора гроба, не вызвал никаких затруднений, к вящему удивлению мистера Бреффа. Оказалось, что он просто отстал от жизни или скорее от смерти. Уже больше года как представители лондонской элиты, охваченные паническим страхом быть погребёнными заживо, заказывали специальные гробы с воздуховодом и сигнализацией.

Агентства похоронных услуг быстро уловили новый тренд и теперь производили гробы с колокольчиками самых разных форм и размеров – от небольших вроде тех, которые надевают на шею коровам, до весьма внушительных, напоминавших корабельные колокола. Шнур от колокольчика проводили под крышку гроба и привязывали к руке покойника. Гробы, спасающие жизни – так гласили рекламные плакаты. Стряпчий и душеприказчики вздохнули с облегчением, обнаружив подходящий гроб в первом же похоронном бюро. Хотя бы в этом вопросе распоряжения нечестивого полковника полностью совпали с общепринятыми нормами.

– Всё-таки старый Гернкастль удачно помер, – заметил Герберт, пока они с товарищем шли на кладбище. – Представь себе, если бы похороны прошли сразу после полнолуния, нам пришлось бы целый месяц дежурить по ночам.

– Удачно для нас, – уточнил педантичный Джордж. – Хотя

не могу сказать, что наше назначение в караул ассоциируется у меня с везением. Но ты прав, лучше подежурить одну ночь, чем целых двадцать восемь.

– Тебе-то хорошо, ты привидений не боишься, – занял суеверный Герберт.

Джордж слегка улыбнулся. Его товарищ отличался безрассудной храбростью в бою и столь же безрассудным страхом перед потусторонними силами. Перспектива провести ночь на тихом кладбище в центре Лондона пугала его гораздо больше, чем вылазка в тыл буйным варварам где-нибудь на задворках Британской империи.

– На самом деле мне тоже тяжело находиться на том кладбище, – признался Джордж.

– Ты до сих пор не можешь забыть Люси? Но ведь год прошёл, Джордж. Да у тебя всё равно не было никаких шансов.

Это Джордж понимал прекрасно. Люси Брекенридж, старшая дочь члена палаты лордов, известного не только своим аристократическим происхождением, но и политическим влиянием, вряд ли вышла бы замуж за скромного лейтенанта без связей в высшем обществе. Он почему-то позволял себе думать, что она была к нему не совсем равнодушна, хотя даже в самых смелых мечтах не мог представить себе её отца, дающего согласие на их брак. Когда Люси умерла от неизлечимой болезни, Джордж опечалился, но в то же время почувствовал, как будто его юношеская влюблённость из неликвидного актива превратилась в ценное капиталовложе-

ние. Стабильными дивидендами стали добрая память о Люси и светлая грусть, не омрачённая ревностью.

– Зайдём через главный вход? – уточнил Джордж, закрывая тему Люси.

Её могила находилась ближе к задней калитке и дальше от центральных ворот, чем фамильный склеп Гернкастлей, обогатившийся сегодня утром новым постояльцем. Лейтенант не хотел сейчас проходить мимо гробницы своей возлюбленной – следовало сосредоточиться на задании, а не отвлекаться на романтические воспоминания.

Сменив вечерний караул, Джордж и Герберт встали по разные стороны склепа и стали дожидаться восхода луны. Краем глаза Фэйрфакс видел белое пятно шиповника, цветущего на могиле Люси, но старался без необходимости не поворачиваться в ту сторону. Что касается его товарища, то Герберт вообще на могилы не смотрел. Для очистки совести он иногда вглядывался в оба конца главной аллеи, соединявшей калитку с воротами. Тёплые круги света от фонарей немного успокаивали его натянутые нервы.

Луна вошла, как обычно, но сияла она не белым и не жёлтым, а пугающим тёмно-красным светом. Словно впитала в себя кровь, пролитую из-за индийского алмаза. Доказательств не было, но в семье Гернкастлей хранилось предание об убийстве трёх индусов, которое нечестивый полковник совершил ради того, чтобы завладеть драгоценностью. Именно поэтому Джону Гернкастлю отказала от дома даже

его родная сестра.

Герберт поёжился, как от холода, хотя июньская ночь в нагретом за день мегаполисе не приносила особой прохлады.

– Уже недолго осталось, – подбодрил его Джордж. – Как только луна зайдёт, доложим, что фокус не удался, и пойдём спать.

– Д-да, т-ты п-п-прав, – застучал зубами Герберт, стараясь не думать о том, что будет, если фокус удастся.

Поодаль зашелестели ветви каштана, и Джордж машинально потянулся к револьверу. Но звук был тихий, как если бы в ветвях резвилась белка.

«Хотя белки вроде бы дневные животные, – подумал Джордж, – может быть, это сова?»

Герберт уже ничего не думал, его трясло от страха. За каждым кустом он видел призрака, за каждым склепом – ожившего мертвеца.

– А если они в-с-се ож-ж-живут? – пробормотал он чуть слышно. – От алма-з-з-а?

– Герберт, алмаз – это просто камень, он не может оживить мертвеца. Разве что здесь случайно похоронили живого человека. Я слышал о таких случаях, но это большая редкость. А что касается полковника, так он точно мёртв. Ты же сам слышал. По завещанию врач должен был вынуть его сердце и вставить вместо него алмаз. Нельзя жить без сердца.

Герберт хотел было возразить, что полковник много лет

прожил без сердца – из уст в уста передавались истории об его исключительной жестокости, но в этот момент его собственное сердце ушло в пятки, и он чуть не упал.

В склепе Гернкастлей затренькал колокольчик. Только один гроб в склепе новый, остальные были произведены задолго до повального увлечения загробной сигнализацией. Сомнений нет – колокольчик звонит над гробом нечестивого Джона. Высокий мелодичный звук разнёсся по всему кладбищу, и в ответ раздался более низкий гул из соседнего склепа. Затем зазвенело сразу два колокольчика по другую сторону аллеи. Они слаженно пели, словно невидимый дирижёр управлял ими. Через минуту над могилами зазвучал целый оркестр.

Лицо Герберта покрылось смертельной бледностью, и Джордж понял, что товарищу нельзя больше оставаться на кладбище. Похоже, полковник даже после смерти сумел провернуть какую-то аферу, но нельзя было исключать возможности, что одного из обитателей новомодных гробов в самом деле похоронили заживо.

– Герберт, беги к доктору Дженнингсу, он совсем недалеко живёт. Пусть придёт сюда.

– А т-т-ты?

– Я покараулю один, ничего со мной не случится. А кому-то может понадобится помощь врача. Такой звон даже мёртвого поднимет.

Герберт благодарно кивнул и со всех ног помчался по ал-

лее к задней калитке – от неё короче путь к дому доктора. Когда он скрылся из вида, к мерному позвякиванию колокольчиков на кладбище добавился мощный звон церковных колоколов на Троицком соборе – часы отбивали полночь. Кажалось, что настал Судный день, и труба архангела призывает живых и мёртвых.

«Хорошо, что Герберт этого не слышит», – порадовался Джордж, одновременно пытаюсь понять, какую же пакость задумал нечестивый полковник, даже после смерти дёргавший людей за верёвочки так, как будто они были послушными его воле колокольчиками.

Он отошёл от склепа поближе к аллее, встав на открытое хорошо освещённое место, чтобы никто не смог подобраться к нему незамеченным. Отсюда могила Люси была видна как на ладони. Джорджу даже казалась, что он слышит сладкий аромат, исходящий от роз шиповника. Родственники Люси посадили у её могилы кусты особого сорта, с очень крупными цветками. А вот гроб у неё был самый обычный – без колокольчика. Тафобия и мода на сигнализацию охватили высший свет чуть позже, когда Люси уже похоронили.

Джордж с трудом отвёл взгляд от белых кустов шиповника и снова уставился на склеп семейства Гернкастлей. Колокольчики звонили как заведённые. Их механическое однообразное звучание совершенно не вязалось с пробуждением жизни. Кажалось, мертвецы дёргают за шнурки не по собственной воле, а бессознательно, как марионетки в куколь-

ном театре. Словно тело движется, а душа в него так и не вернулась.

Краем глаза Джордж заметил движение справа.

«Неужели Герберт так быстро вернулся?» – подумал он, поворачивая голову в сторону задней калитки.

Прямо на него двигалась женщина в белом. Казалось, что её платье соткано из цветов шиповника, словно дриада приняла человеческий облик. Вроде бы она шла к нему не от калитки, а от могилы Люси, хотя Джордж пропустил момент её появления и не мог сказать точно.

– Джордж, – прошептала она, приблизившись, – ты узнаёшь меня?

Это была Люси и выглядела она будто оживший мертвец. Только завитки каштановых волос блестели как при жизни. В потухшем взоре не было ничего, кроме беспросветной тоски, окаменевшее лицо напоминало белую маску, под глазами залегли чёрные тени. От девушки исходил всё тот же могильный запах цветов шиповника, как будто за год она насквозь пропиталась им. Внезапно она пошатнулась и упала бы, если бы Джордж не подхватил её на руки.

Как только он прикоснулся к ней, то сразу понял, что она живой человек. Джордж не мог объяснить себе, как можно выжить в гробу и провести целый год без воды и пищи, но сейчас следовало подумать о другом. Надо немедленно доставить девушку к врачу. Возможно, полнолуние пробудило её от оцепенения, он где-то читал, что женщины очень чув-

ствительны к лунным циклам. Он понёс Люси к задней калитке, но стоило ему поравняться с огромным каштаном на полдороге до выхода, как девушка вдруг забилась в его руках с неожиданной силой.

– Пусти меня, Джордж, мне нельзя дальше, – закричала она.

Ошеломлённый её поведением, лейтенант опустил девушку на землю, и она прижалась к стволу каштана. По лицу её потекли слёзы.

– Я не знаю, как это случилось! – рыдала она. – Что за тёмное колдовство вернуло меня с того света?! Но я кажусь живой, только пока луна не зашла. И только здесь, рядом с этим злосчастным камнем. Но пока я здесь, Джордж, могу я попросить тебя о милости? Ведь ты когда-то любил меня...

– Всё, что ты скажешь, Люси! Я по-прежнему люблю тебя. Я готов за тебя жизнь отдать, если это поможет тебе вернуться.

На бледных щеках девушки вспыхнул румянец.

– Но я боюсь, Джордж, что, услышав мою просьбу, ты сочтёшь меня распущенной. А я не такая. Просто там очень холодно и уныло, а мне даже вспомнить нечего. Пока я была жива, все молодые люди восхищались мной, а я ни с кем ни разу не поцеловалась.

Она запнулась и опустила глаза, но потом посмотрела прямо на него и продолжила:

– Поцелуй меня, Джордж! Если тебе не противно цело-

ваться с мёртвой. Чтобы мне было о чём вспомнить, когда я вернусь в могилу.

Он нежно привлёк её к себе и поцеловал. Губы её на вкус тоже напоминали шиповник. Голова у него кружилась от счастья. Джордж ни на секунду не поверил словам Люси. Конечно, она была живой, просто целый год в могиле не мог не сказаться на её здоровье и мировосприятии. Ей сложно признать, что она на самом деле не умирала, а провела год в состоянии летаргического сна, и теперь девушка боится принять случившееся. Лучше ей сейчас не перечить, чтобы не усугубить её шок. К тому же ему было так приятно целоваться с Люси.

Над кладбищем по-прежнему плыл колокольный звон, но Джордж почти не слышал его. Он чувствовал лишь тепло её мягких губ. Люси обняла его за шею, и осыпала лицо поцелуями, сначала лёгкими, словно случайное касание крыльев бабочки, а потом всё более страстными, как будто год, проведённый между жизнью и смертью, пробудил в ней неутолимую жажду любви.

Всё же Джордж, движимый чувством долга, сумел на секунду оторваться от девушки и бросить взгляд на склеп Гернкастля, но ничего подозрительного не увидел. Дверь в усыпальницу была заперта на засов, а изнутри в неё бился только звон колокольчика. Ничто больше не нарушало покоя нечестивого полковника. Красная луна постепенно опускалась, почти задевая верхушки деревьев. Джорджу показав-

лось, что над их головами на одной из ветвей каштана раздаётся мерное постукивание, словно дятел бьёт по коре клювом.

«Хотя дятлы вроде бы дневные птицы, – подумал Джордж, – может быть, это филин?»

Это была последняя связная мысль. Люси ещё сильнее обхватила его, заставив повернуться к ней лицом, и ласково погладила по щеке. Отчаяние исчезло из её глаз, теперь они сияли, как светлячки в ночи. Горячие губы впились в его шею, а через секунду он ощутил боль, как будто в него вонзились острые клыки. Что-то тёплое потекло по коже. Он хотел отстраниться, но рука Люси внезапно зажала ему рот. Всё вокруг наполнил приторно сладкий запах шиповника. Колени Джорджа подогнулись, и он упал на землю. С трудом приподняв голову, он успел увидеть, как Люси уходит обратно к своей могиле. Когда он перевёл взгляд дальше, на склеп Гернкастля, то уловил в темноте смутное движение.

Три гротескных фигуры с чёрными лицами подбежали к склепу. В их зловещих силуэтах и дёрганных движениях не было ничего человеческого. Они появились внезапно, словно из-под земли, и больше всего походили на чертей, присланных за душой нечестивого полковника, чтобы доставить её напрямик в ад. Одна из фигур дотронулась до засова и отперла дверь в усыпальницу.

Больше Джордж ничего не видел. Он уронил голову на траву и провалился во мрак. Ещё несколько мгновений до

него доносился затихавший перезвон могильных колоколов, как будто его душа тоже куда-то удалялась, покидая кладбище, но куда именно она следовала, он определить не смог.

Через четверть часа на аллее показался Герберт в сопровождении доктора Дженнингса. Колокола к тому времени давно смолкли, над кладбищем повисла мёртвая давящая тишина, как после взрыва. Луна уже зашла, и они не сразу заметили тело, распростёртое под каштаном. Только у самого дерева Герберт в ужасе замер, уставившись на пятна крови.

– Джордж! – закричал он. – Я не должен был уходить.

Доктор опустился на колени рядом с телом и внимательно осмотрел его. Крылья огромного докторского носа раздувались, как будто он пытался уловить трудноразличимый запах.

– Это был вампир, доктор, да? – прошептал Герберт.

– Вампир? – удивлённо переспросил доктор, поднимая глаза на своего провожатого.

Герберт и раньше недолюбливал доктора Эзру Дженнингса за его странную внешность и манеры, за тёмные слухи о его происхождении и за несмыслимое пятно, лежавшее на его репутации. Хотя человек с безупречным послужным списком вряд ли согласился бы плясать под дудку Гернкастля. Но сейчас, когда доктор непонимающе смотрел на него, как на глупого студента, осмелившегося перебить профессора во время завораживающих опытов в анатомическом театре, Герберт готов был возненавидеть Дженнингса.

Доктор между тем снова принялся и соизволил, наконец, ответить по существу:

– Я практически уверен, что это был не вампир, а хлороформ.

– Это ещё что за нечисть? – простонал Герберт.

Доктор посмотрел на него как на умалишённого. В задумчивости он почесал голову, на которой угольно-чёрные волосы причудливо перемешивались с седыми до белизны прядями.

– Давайте перенесём вашего друга на скамейку, энсин, – предложил он. – Думаю, он скоро придёт в себя, но если долго лежать на холодной земле, то можно схватить воспаление лёгких.

– Так Джордж выживет?

– Если не считать небольшого укуса на шее и лёгкого отравления парами хлороформа, я не нахожу у него никаких проблем со здоровьем.

Теперь Герберт готов был расцеловать доктора Дженнинга, несмотря на его отталкивающую цыганскую физиономию и пегую шевелюру.

Около фамильной усыпальницы Гернкастлей они обнаружили ещё одно тело. Это был труп нечестивого полковника.

– Неужели он всё-таки ожил? – удивился Герберт. – И даже сам выбрался из гроба? А Джордж считает, что нельзя жить без сердца.

– Ваш друг совершенно прав. Полковник не оживал. Кто-

то вытащил его из гроба. Склеп нельзя открыть изнутри, только снаружи.

Доктору хватило лишь беглого осмотра, чтобы убедиться в очевидном: его ювелирная работа над трупом полковника Гернкастля пошла насмарку. Грудную клетку полковника, которую доктор так тщательно зашил после имплантации алмаза, грубо вскрыли. Алмаз исчез.

Ещё через полчаса на кладбище прибыл знаменитый сыщик Кафф. Он вошёл через заднюю калитку и вместо того, чтобы сразу направиться к склепу Гернкастлей, остановился у куста шиповника. Инспектор, первым прибывший на место преступления и ожидавший сыщика у склепа, в недоумении приблизился к звезде лондонского сыска.

– Чрезвычайно интересный сорт, – сказал ему сыщик, внимательно изучая белые бутоны.

– Вы, кажется, любите розы, сэр? – удивился инспектор.

– Не имею времени любить что-нибудь, – ответил сыщик Кафф. – Но, когда у меня есть свободная минутка, я всегда посвящаю её розам, инспектор.

Деликатный инспектор оставил при себе свои мысли о необычных увлечениях знаменитости и просто предложил проводить сыщика к месту преступления.

– Подождите, инспектор, мне бы хотелось повнимательней осмотреть этот куст, – заметил сыщик, не в силах оторваться от шиповника. – Вы заметили, что одна ветка обломана?

– Это не имеет отношения к делу, сэр. Ограблена совсем другая могила.

Сыщик Кафф посмотрел на инспектора таким взглядом, каким прилежный садовник смотрит на тлю, разъедающую бутоны его любимых роз.

– Женские следы у этой могилы тоже не имеют отношения к делу? – спросил он.

– Здесь не было никаких женщин этой ночью, сэр. Кладбище заперли на ночь. Внутри остались только два офицера: энсин Уайт и лейтенант Фэйрфакс. Нет никаких сомнений, что они вступили в преступный сговор с целью завладеть бесценным алмазом. Теперь энсин Уайт рассказывает басни о якобы звеневших по всему кладбищу могильных колоколах и о вампире, который якобы укусил его товарища. Хотя каждому здравомыслящему человеку очевидно, что они осквернили могилу, извлекли алмаз из тела, после чего энсин Уайт спрятал камень или передал его третьему сообщнику. Каковым, вполне возможно, является этот подозрительный доктор, – инспектор покосился на доктора Дженнингса, спокойно стоявшего неподалёку у скамейки. – На вашем месте, сэр, я бы немедленно арестовал всю эту троицу.

Сыщик тем временем внимательно изучал маленькие следы на тропинке, ведущей от куста шиповника к каштану. Затем он исследовал следы на аллее. По его поведению невозможно было понять, услышал ли он версию инспектора или целиком погрузился в собственные размышления. Через

несколько минут сыщик добрался до скамейки.

В этот момент Фэйрфакс открыл глаза и почувствовал дежа вю. Перед ним стоял джентльмен в чёрном с афишной тумбы. Стальные светло-серые глаза джентльмена впились в лейтенанта так, как будто хотели проникнуть в его душу.

– Лейтенант Фэйрфакс, не так ли? – спросил сыщик Кафф. – Не могли бы вы рассказать мне о женщине, с которой беседовали под каштаном?

В подробном отчёте Джорджа о встрече с Люси незначительные личные детали всё же были опущены, но сыщик Кафф, во-первых, и сам без труда мог восстановить их из своего богатого следственного опыта, а во-вторых, его гораздо больше заинтересовали шорохи в кроне каштана, о которых упомянул лейтенант, а не поцелуи, о которых тот умолчал.

Сыщик проследовал к дереву и внимательно осмотрел ветви. Приподнявшись на цыпочки и вытянув руку с длинными пальцами, похожими на когти, он долго шарил в листве у основания нижней ветки. Наконец, снял с ветки большой круглый предмет и опустил его на землю. Это оказалось беличье колесо приличных размеров, к которому крепился странный механизм и обрезки лесок.

– Гениально! – сказал сыщик, осмотрев механизм. – Это изобретение преобразует вращательное движение в поступательное.

Из всех присутствующих лишь лейтенант Фэйрфакс смог

разделить энтузиазм сыщика, поскольку во время обучения в военной академии серьёзно интересовался геометрией. Остальные смотрели на беличье колесо с вежливым равнодушием.

– Теперь понятно, кто звонил в колокольчики, – снизошёл до объяснений сыщик. – Концы лесок привязали к язычкам, а в колесо запустили зверька. Он крутил колесо, а механизм дёргал одновременно все лески. Вот вам и слаженный оркестр. Но зверёк был явно крупнее белки.

Внезапно сыщик запустил свои длинные пальцы в колесо и вытащил блестящий коричневый волос, застрявший в ободке. Внимательно рассмотрев волос под фонарём, он вынес вердикт:

– Дрессированный индийский мангуст. Если мне не изменяет память, инспектор, лондонская полиция по жалобе полковника Гернкастля один раз задержала за бродяжничество трёх индусов. Они устраивали представления с мангустом. Но их пришлось отпустить, потому что никаких более серьёзных преступлений за ними не числилось. Думаю, алмаз теперь у них.

Необыкновенная проницательность сыщика Каффа помогла Герберту и Джорджу оправдаться перед начальством и сохранить свою репутацию. Их командир с самого начала не ждал ничего хорошего от плана нечестивого полковника, поэтому ограничился лишь устным выговором. В приличествующих случаю выражениях он заметил своим офице-

рам, что они могли бы проявить чуть больше благоразумия и трезвомыслия, пребывая на столь ответственном посту как могила полковника Гернкастля. Но в заключение добавил, что не слишком винит их в случившемся, потому что настоящим джентльменам тяжело состязаться с коварными индусами, не брезгующими никакими грязными трюками для достижения своих целей.

Однако Герберт с беспокойством обнаружил, что лунная фантазия, инсценированная изобретательными индусами, не прошла бесследно для его товарища. Джордж и раньше был довольно замкнутым, но теперь его совершенно невозможно было затащить ни на один светский вечер или дружескую пирушку. Часто он настолько погружался в себя, что даже не слышал, как к нему обращаются, и не видел, что вокруг происходит. В такие моменты взгляд его производил пугающее впечатление, как будто он блуждал где-то в потустороннем мире.

С каждым днём Джордж всё больше уподоблялся ходячему мертвецу. Он похудел, на лице его застыло тоскливое выражение, как будто он потерял что-то ценное, а все вечера он тратил на бесцельные прогулки по улицам. Он бродил по самым разным кварталам, и даже сыщик Кафф не смог бы обнаружить никакой закономерности в его маршрутах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.